

Андрей Коровин

Детские
преступления

Андрей Коровин

Детские преступления

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Коровин
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К68

Художник серии: Сергей Труханов

А. Коровин

К68 Детские преступления. — М.: Воймега, 2015. — 60 с.

Андрей Коровин — поэт, издатель, руководитель культурных программ. Автор шести поэтических книг. Стихи публикуются в литературной периодике России, Украины, Германии, Дании, Финляндии, США и других стран, переведены на английский, армянский, белорусский, грузинский, немецкий, сербский и румынский языки. Руководитель Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь», литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва) и других проектов. Стихи, составившие эту книгу, были опубликованы в журналах «Арион», «Дружба народов», «Крещатик», «Новый мир», «Октябрь», «Урал», «Эмигрантская лира», альманахе «День поэзии».

ISBN 978-5-7640-0179-1

*Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ
и Союза российских писателей.*

© А. Коровин, текст, 2015
© С. Труханов, оформление, 2015
© «Воймега», 2015

Переизбыток любви

Рыбные места

моему крёстному, дяде Вите

это дуб наклонился над речкой
или видится мне наяву
что я маленький
я человек
что я падаю в реку
плыву

*лето детства и речка Воронка
на моторке летим по реке
и отснятое на киноплёнку
вспоминается прошлое мне*

вижу рыбу и я вроде рыбы
потерялся в запретной воде
мы летать или плавать могли бы
я в реке я во сне
или где

*где-то там на цветущей поляне
зверобой повилика чабрец
пиво плавится в потном стакане
с дядей в карты играет отец*

рыба справа и рыба слева
удивлённо глядят на меня
пасть как кисточку львиного зева
открывая и к тайнам маня

*но какая-то тайная сила
обняла меня и вознесла
с тайной рыб навсегда разлучила
и от жизни меня не спасла*

Варенье из одуванчиков

баночка на подоконнике
источающая невозможный свет

солнечный свет
преломлённый через несколько стёкол
и загадочное содержимое банки

цвета спелой соломы
немного светлее сотерна
с кристалликами сахара
застывшими
будто бы в жёлтом воздухе
неподвижные ископаемые

и головками одуванчиков
летащими
как заколдованные корабли
светящимися
как рыбки в аквариуме

*бабуль что это
варенье из одуванчиков милый*

моя бабушка не могла читать Брэдбери
она была неграмотна
кто надоумил её
сделать варенье из одуванчиков

я пробовал его только однажды

оно было горьким на вкус

Детство на Оке

Я помню этот лес: грибы, деревья,
маслята, ельник, вот отец, а вот я,
июль в зените, месяц в рукаве.

Отец кричит:

— Ну что?

— Опять маслёнок!

Маслёнок тоже, в сущности, ребёнок.

А кто это там прячется в траве?

Но очень скоро выйдем мы из леса.

А там — пруда таинственная пьеса,

блестят на солнце рыбы караси,

и мы — на этом зеркале пейзажа,

где темпера, и глушь, и тишь, и сажа,

и деревенька, Господи спаси.

И дальше мы идём с отцом куда-то,

в руке отцовской удочка зажата,

в затонах окских ждёт подкормку лещ.

Скажи-скажи: ты жив ещё, воряга?

Узнаемся ль, увидевши друг друга?

Жизнь движется стремительней, чем речь.

Ах, лечь бы в речь, отдав себя течению,

когда вся даль небес открыта зрению

и ты плывёшь, всевидящ, как река,

в твоих руках уже играют рыбы,

и вот за это, Господи, спасибо,

что в звёздном небе движется Ока.

Детские преступления

короткими вспышками света
вся жизнь твоя будет с тобой

бездонное окское лето
кузнечик в траве голубой
поймаешь останется лапка
в твоей неумелой руке

цветов кучерявых охалка
и голая рыбка в реке

и дремлет малюсенький ящер
он жрец на пригретом пеньке
протянешь ладонь наудачу
останется хвостик в руке

ежиха ведущая деток
куда-то
не трожь отпусти

и запах соснового света
и вкус родника из горсти

как мир наш подноженный хрупок
и сколько ж ты душ погубил
личинок пиявок скорлупок

покуда
ты маленьким был

История жука

для жука
перевернулось небо

лежит небо на жуке
а жук лежит
не жужжит
лапками шебуршит
то ли отталкивает
то ли поддерживает
то ли щекочет
небо

а небо такое
круглое
голубое
тяжё-о-олое

дайте же кто-нибудь
руку жуку

помогите же
мужику

У бабушки

это из детства
 снег
 засыпающий дом по самую крышу

выходишь на улицу
 по единственному
 расчищенному взрослыми
 проходу

снег переливается на солнце
 небесными радугами
свет растекается в глазах
 согревает искрами снежного огня
 озорного доброго колющего

хочется гулять без варежек
пробовать этот горячий снег на вкус
приходить домой в заледеневшей одежде
 с ботинками полными снега

снег скрипит под ногами так
 что слышно на соседней улице
воздух такой мёрзлый
 что язык прилипает к небу
 если высунуть его изо рта
глоток зимы обжигает горло

И ты не можешь
напиться этой зимы
наестся этого снега
надыхаться этим светом

так бывает
только в детстве
у бабушки
в середине зимы

Дочери

дочь моя
засыпай у меня на груди
заходи в мои карие ночи
свет проходит сквозь стены как будто Гудини
одиночество ночи непрочно

в темноте ничего невозможного нет
скрипнет дверца и Моцарт контужен
к нам волхвы заходили вчера на обед
пастухи подоспели на ужин

а в зелёную рощу упала звезда
небо светится розовым светом
и взлетая над Крымом кричат поезда
мы поедem туда этим летом

Подорожные строки

вот и мы загружаемся снова в купе
в это равенство долгой дороги
где поёт машинист на весёлой трубе
проводнице своей недотроге

и бутылками звякает каждый вагон
и копчёными курами пахнет
и подстриженный косами пялится склон
как мамыши над чадами чахнут

всё что было закончилось надо идти
к проводнице за солнечным пивом
чтоб успеть полировкой душу спасти
до таможни уснувши счастливым

и проснуться раздвинув тугие глаза
на родной как сестра Украине
где тебе улыбается каждый вокзал
предлагая арбузы и дыни

и понять что ты дома на пару недель
и уйти в бесконечное лето
где болтается август на паре петель
где подлодки поют до рассвета

где висит как бельё белый Крым на заре
и в тени загорают собаки
где ты сам только старый платан во дворе
подающий беззвучные знаки

Треугольная луна

хохотали как умели
в Коктебеле в Коктебеле
дальше некуда бежать
никуда не уезжали
нас друг к другу так прижали
что до смерти будет жать

то ли лунная дорожка
то ли хересу немножко
тени ночью не видны
улыбаться осторожно
целоваться невозможно
нет на свете той страны

дождь игристый полосатый
мы заткнули уши ватой
треугольная луна
а мурашки неуклюже
расползаются по луже
я один
и ты одна

На родине мира

мы жили на родине мира
с песочком из мелких ракушек
с медузами в тёплых ладонях
с водою солёной в ушах

мы видели родину мира
и спелые крымские грозы
мы ночью срывали с балконов
и в море бросали

мы пили на родине мира
сухие и крепкие тоже
и Пашу кормили арбузом
и Машу

мы бросили родину мира
да что там на родине мира
такого
чего у нас нет

цветущее чёрное море
призывно махало нам вслед
и чаек бросало

Эскиз в метро

Белый свитер, спутанные волосы...
Больше и не надо ничего.
А ещё она поёт вполголоса —
для себя лишь, а не для кого.

Записные книжки М. Цветаевой
на коленях жёлтого пальто.
Ей ещё домой идти оттаивать.
Двадцать первый век. Москва. Метро.

Омская зима

снег выпал и стоит
на облако похожий
по вкусу общепит
по сути лишь прохожий

у ставки Колчака
сугробы выше крыши
валяет дурака
буран на льду иртышском

покатится слеза
и прошлое приближу
смотрю зиме в глаза
и сам себя не вижу

что делать здесь в метель
какой причуды ради
читать зимы постель
и руки греть в тетради

и омскою зимой
переходящей в детство
пытаться Боже мой
в соборе отогреться

Песни этой зимы

вот так заляжет снег на ветках
и до скончания зимы
валторны запертые в клетках
до поздних сумерек немы

а дальше вылитый Вивальди
привычно проверяет лёд
какой последней ноты ради
тоска любви произойдёт

пока январь рисует ветки
прорезав белое углём
сверяясь с данными разведки
мы целый день бессмертья ждём

закончить ночь убрать треножник
мольберт засунуть под кровать
и совершив обряд несложный
навек лечь сегодня спать

Белый день

на улочке стеклянной белый день
томится речью сбивчивая стужа
мы умерли и наше дело тень
а наши души вымерзшие лужи

в растрелльевых подъездах пауки
зимы — рисуют смертные узоры
и уплывают в полночь рыбаки
на льдинах пограничного дозора

звенит в ушах мороз как тетива
и пьяный бомж под видом дедмороза
несёт шепча бессвязные слова
лимонные как веточки мимозы

Начало дачного сезона

а лучше всего-то конечно
идёт из горла
простой по ноль-семь
деревянного цвета
бутылки
как пьётся на дачах весной
без стола
до тепла
готовьте ножовки
лопаты
носилки
морилку

дымить и стучать
пока спят под корой города
полезных вредителей
сада и огорода
как пьётся на дачах весной
как гудят провода
от переизбытка
любви
тишины
кислорода

прорезать малину
и старую грушу срубить
чтоб воздуха дать
облепихе крыжовнику вишням

как пьётся на дачах весной
невозможно не пить
чтоб жизнь не казалась
потерянной
прожитой
лишней

Остров поэтов

жизнь и смерть отныне только сёстры
в сестринской их тишь и благодать
спросит жизнь а что это за остров
где хотят поэты умирать

ей ответит смерть грызя баранку
есть в моих краях такая блажь
что любой алкаш забудет пьянку
да и ты что хочешь мне отдашь

будут лето время звездопада
тихий свет в сиреновом окне
заходи сестрица буду рада
остров мой тут рядом
видишь
не

Охота на тайменя

Сергею Кузнецихину

сосновые рыбы в янтарной реке
звенит колокольчик по правой щеке
назойливый гнус отгоняет
а больше он слов и не знает

стоят эти звери в тяжёлой воде
ухмылка в усах и крючки в бороде
один Енисей только знает
как свечкой таймени взлетают

стоят эти твари на страже реки
глаза их как воды её глубоки
случайно увидишь такого
и нервное выскочит слово

покуда течёт енисейская речь
ты будешь тайменя в засаде стеречь

держи одичавшую леску
держи до последнего плеска

Травелог

заняться делами простыми как груши и сливы
забыть про метро электрички работу бюджет
и стать под финал этой грёбаной жизни счастливым
как будто для счастья другого и повода нет

расстаться уехать от каменной жизни московской
от серого неба и лжи отражений в глазах
чтоб музыка в венах как будто подкожный Чайковский
и солнечный ветер в открытых больших небесах

проснуться и жить будто не жил дышать как впервые
здороваться с каждым кузнечиком в сонной траве
и пусть меня встретит Ока любовно навьлет
когда досниму я всей жизни свой траве-
лог

Наступление осени

1. Овстуг

а этой ночью наступила осень

и в барском доме Тютчевых не спали
и свет горел во всех бессонных окнах
хозяина встречали ранним утром

он к празднику обычно приезжал
Успенья Богородицы

прислуга
готовила на кухне ранний завтрак

в пруду ходил тяжёлый толстолобик
не зная что гореть ему к обеду
на сковородки адовом огне

и лебеди ленивые дремали

не слыша
как скрипят в ночи ворота
и ширится из псарни лай собак

как чутко лошади прядут ушами
и женщина бросается на шею

как он идёт понурый молчаливый
и колокол спросонья глухо бьёт

ведь этой ночью
наступила осень

2. Вщиж

сколько ни вейся
миру придёт конец
сходишь ли под венец
всё равно не жилец
вот же стояла крепость
город
и правил князь
Рюрикович между прочим
казалось
жизнь удалась

ну и что же той жизни
поле да огород
враг подступает
целится в род и род
то ли ушли под землю
то ли стали землёй
князь со своим народом
господибожемой

что им доньне снится
Чиж ли река Десна
выцветшие страницы
времени или сна
память как колом в горле
жалко их всех до слёз

небо не плачет
небо
льёт с небес купорос

3. Лебединые песни

когда
холодными зимами
пруд замерзает
лебеди приходят
к барскому дому
гогочут на своём
крепостном языке

что жрать стало нечего
надо бы подкормить
а не то передохнем
перестанем радовать
белоснежными крыльями
лебедиными шеями
ваших тупых гостей

стоят так толпой
топают своими лапами
гадят на белоснежных дорожках
жирные боровы

давеча крестьянин
Ванька Синюхин
попытался поймать одного
с голодухи
так они его в пруд скинули
и сомам скормили
лебеди-людоеды

барин с семьёй
укатил в столицу
от греха

а сторож по ночам
запирается
в своей сторожке
говорит
каждую ночь
кто-то ломится в дверь
зовёт его

кто говорит
что жена
а кто-то
что смертушка

Жертвоприношение

Колыбельная считалочка

я живу на этом свете
не могу я жить на том
спите люди спите дети
вырем как-нибудь потом

свет пока очей не выел
будет мягкой кровать
тише мыши
шишел вышел

спите дети
надо спать

Май в Киеве

майский Киев
пахнет любовью
вальсами Штрауса
фотографиями Femen

воздух в городе
как на парфюмерной фабрике
состоит из запахов всего
что может цвести
всех видов сирени черёмухи
тюльпанов каштанов
десятков других
неизвестных цветов

город пестрит красивыми девушками
они плавают по улицам
как разноцветные рыбы в аквариуме
сидят на изумрудной траве
позируют встречным фотографам
целуют случайных знакомых

этот город любит жизнь
радуется жизни
поёт танцует смеётся
будто никакие кризисы в мире
его не касаются

парни и дивчины
зарыбляют своей любовью фонтаны
пускают её по ветру
как воздушного змея

любовь летит над городом

где современные Шагалы
чтобы написать эти облака любви
эти косяки любви
в Днепре
в Киевском море

и так будет всегда
до нового голодомора
до нового Бабьего Яра
до нового всемирного потопа

а может быть эта любовь
победит все грядущие ужасы
и отменит их навсегда

жить надо в Киеве
чтобы не умирать
чтобы конец света
не наступил никогда

2009, 2013

Рыбы Декарта

Ане

Киев в осаде. И в каждом окне —
пена каштанного бунта.
Рядом с тобою завидует мне
вся соловьиная хунта.

Нам-то какой до бродяг интерес? —
пусть себе свищут, злодеи!
Ты музицируешь Данта топлесс,
музыкой в музыке — где я?

Там, где над Киевом дремлет звезда,
плавают рыбы Декарта —
там мы играем друг друга с листа,
плавится звёздная карта...

2007, 2009

Гармонист

гармонист залётный тянет жилы
в электричке летней на Москву
лишь одною музыкою живы
или вопреки ей не пойму

белая дурацкая панама
ветер в парусиновых штанах

*как же это вышло мамамама
что мы не снимаемся в кинах*

*в море проплывают самолёты
в небе пролетают корабли
ну а ты зазноба моя где ты
потерялась в розовом дали*

*белый пух засыплет все бульвары
тополиный невозможный пух
ну а ты звезда моя гитара
видишь как я от тоски опух*

*в поле зацветают василёчки
а на дачах чахнет лебеда
посчитал я дни мои денёчки
а они сливаются в года*

и пошёл он дальше по вагонам
взгляды собирая по пути
как сказал бы лейтенант Прогонов
с этим парнем дура не шути

Жертвоприношение

вначале грянула музыка
потом голос

*Есть на свете цветок алый-алый,
Яркий, пламенный, будто заря...*

я подумал что это запись
не отрывая глаз от книги
но меня удивили слова
я никогда раньше
не слышал эту песню

*Может, там, за седьмым перевалом,
Вспыхнет свежий, как ветра глоток...*

я поднял голову
и увидел молодую девушку
она пела
она очень старалась
от усердия
она даже привставала
на цыпочки

*Самый сказочный и небывалый,
Самый волшебный цветок...*

и только взглядевшись
в её симпатичное лицо
я понял
что она
слепая

*Вспоминая о радостном чуде,
Вдаль шагая по звонкой росе...*

её голос был сильным и уверенным
и с ней не было сопровождающего
что она делала здесь
в этой ночной электричке
накануне Нового года

*Тот цветок ищут многие люди,
Но, конечно, находят не все...*

я хотел сказать ей
что-то очень хорошее
но что тут скажешь
можно только положить деньги
в её пакет

*Самый сказочный и небывалый,
Самый волшебный цветок...*

я скачал эту песню в интернете
но это было не то
нет
она пела её иначе
не как Клара Румянова в мультфильме
а с настоящей
верой в чудо

будто это жертвоприношение
в ночной электричке
поможет ей
увидеть нас

навсегда

Из кинохроники жизни

закадровый голос неярок
но ты пропускающий свет
сентябрьский сквозной полустанок
что шепчешь ты поезду вслед

в котором окне прогоревшем
секунду другую назад
ты пил с удивительным лешим
кричал ему свидимся брат

в какой просыпался постели
с обоями на потолке
кто жил за тебя в твоём теле
кто плыл за тебя по реке

твоя чешуя золотая
не помню которого дня
сквозняк электричек листая
уже не припомнит меня

очнёшься
ты жил или не жил
не вспомнишь ни лиц ни имён
лишь свет удивительный брезжил
лишь снился разгаданный сон

Слуцкий в Туле

1

он просыпался рано
смотрел в окно
там за окном всё тот же двадцатый век
пусто на сердце холодно и темно
никто никому не нужен
как сказал имярек

вот же она единственная ушла
туда куда все уходят
и он уйдёт
боль понемногу стихла
любовь прошла
но тоска не проходит
нет не пройдёт

он лежал на диване
да
смотрел в потолок
смотрел через крышу в небо
в её глаза
потом выходил из дома
бывший пророк
который на свете всё уже предсказал

— Здравствуйте, — говорил ему доктор, —
как нас зовут?
— Слуцкий, поэт, — сухо он отвечал.
«Знавали и наполеонов, все теперь тут», —
подумал про себя доктор,
но промолчал.

— Есть у вас документы?
— Да, — протягивал документ.
— Слуцкий Борис Абрамович... вот так так...
Что привело на рельсы?

ответа нет

я писал стихи
больше не знаю
как

2

когда поэт превращается в человека
ему становится всё равно
какое утро какого века
какое крутят в кинотеатре кино

сгорели в танках его читатели
остыл недобрый двадцатый век
нет больше смысла в стихослагателях
он в стальной Туле теперь навек

и он ложится и он спокоен
и двадцать третьего февраля
он понимает что путь свободен
что дальше медлить уже нельзя

ну что же Слуцкий
ну что же гений
ну что же бывший
ну что пророк
три тома изданных сочинений
солдатской жизни его итог

найдутся люди
стихи найдутся
из чрева письменного стола
душа не смеющая прогнуться
из них конечно произросла

Осень в Ясной

в пруду насыпано
как будто листопад
обрушил Ясную Поляну
я здесь как дома
помню графство наугад
не перестану

всё приходить сюда
и двадцать лет спустя
и после жизни
душа бессмертная
до старости дитя
блажит капризно

вот здесь сидели мы
с Серёжей под мостком
чуть дальше с Олей
нас потеряли
в этом воздухе густом
в лугах на воле

в большом пруду
с отцом ловили карасей
костлявых скользких
с кем уезжали мы
отсюда по росе
не помню стольких

а в этом маленьком
 рябиновом пруду
 в купальне старой
ныряли голыми
 у неба на виду
 в другие страны

нырнув в грядущее
 растаяли среди
 листвы опавшей
уже не осень
 а полжизни позади
 и я за старших

Снебапад

Ольге Подъёмщиковой

кто был из нас кто не был виноват
теперь не важно небо стало выше
и яблоневый нынче снебапад

чердак скрипит
и дождь стучит по крыше

вся жизнь твоя артхаусный обман
богема революция и ссылка
как я мальчишкой был тобою пьян

стучат иди
тебе с небес посылка

спасибо за свободу через край
за неуют семейного уюта
за обитаемый а не лубочный рай

за жизнь и за
любовь без парашюта

всё спорили с тобой о небесах
в статьях стихах и музыке неспетой
речь облетает как листва в лесах

мороз уже
не стой в дверях раздетой

Жизнь с расширением гу

памяти Валерия Прокошина

засыпали в кузнечиках
руки искали в осоке
камышовую флейтой
сзывали друзей и подруг
в опрокинутой полночи
птицы слились в караоке
и в запруде мерцал нам
луны потерявшийся круг

не о Лете письмо
у реки постороннее имя
не о городе павшем
четыре столетья назад
мы очнулись в случайное время
мы стали родными
и увидели свет
словно небо очистило взгляд

золотая плотва моя
и краснопёрая стая
вы-то помните эхо
уснувшее в дальнем бору
то ли время течёт по губам
ослепительно тая
то ли это кончается жизнь
с расширением гу

Дожить до лета

памяти Аси Каревой

солнце прожгло дырочку на матрасе
сон винограда спел как вино на ужин
ягодные улитки заселили террасу
ты
мне больше не нужен

звёзды стали длиннее а ночи ярче
южное небо вздрагивает спросонок
перечитать Маркеса или Боккаччо
плач за окном
ребёнок?

кто там меняет карнавальные на посмертные маски
не разберёшь Лаура или Джульетта
хорошо когда есть пара жизней в запаске
чтобы
дожить до лета

Чистые пруды

памяти Андрея Новикова

1

что же ты наделал милый друг
друг ты мой сердешный
сам замкнул проклятый этот круг

не орлом а решкой

помнишь как бродили мы вдвоём
по бульварам синим
думали что всё переживём

смерть любовь и зимы

где скажи с тобой не ждали нас
в Киеве в Тбилиси
вот тебя теперь не ровен час

и не дождались

где ты беспокойная душа
там в подлунном мире
жить любил ты весело греша

дважды два четыре

выдохну в оконное стекло
ты меня услышишь
ночью небо всё заволочло

ты уже не дышишь

этот странный поход в никуда
этот ноющий в черепе голод
эта талая злая вода
этот сердце сжимающий холод

переходишь по тонкому льду
чистопрудного тихого ада
и как будто не слышишь что ждут
тебя люди стихи снегопады

ждут порталы журналы авто
ждут в Казани Ташкенте и Минске
ну а ты-то куда без пальто
в магазин по-английски

позвонил бы забросив дела
мол такая отрада
что столица тебя приняла
как любимого брата

И после смерти

а когда человек умирает
он себя самого забывает
даже страсти что жгли и болели
забывает в оставленном теле

эти ахи и вскрики и вздохи
в бедном теле лежат одиноки
прорастают ручьями травую
над уснувшей в земле головою

эсэмэски печали и счастья
у сомнамбул пусть ищут участия
и любовные все разговоры
притаились в земле словно воры

всё что снилось тебе человеку
погружается в общую реку
общей памяти общего дела
одного бесконечного тела

всё что мы не сказали друг другу
разлетится бессмертием в гугле

Символ веры

каждая мошка
 неизвестная именем и лицом
 стучащая
 в твоё окно

каждая травинка
 без числа и имени
 на лугу
 по которому ты идёшь

каждый вздох ветра
 приносящий
 радость запахов

и есть доказательства
Его бытия

разве могут прожить
хоть мгновение

все эти мелкие твари
муравьи
 бабочки
 жужелицы

все эти травинки
ковыли
 тимофеевки
 кукушкины слёзки

все эти ветра
ветер с луга
 ветер с гор
 ветер с моря

без Него

Предсказание

по капельке алого лета
густой земляничный настой

мы необязательны в этом
дыхании жизни простой

без нас прорываются грозы
без нас зацветает трава

мы даже не люди а позы
скучающего божества

за нами шагают по следу
забвение гибель и тьма

природа одержит победу
ей хватит на это ума

мы минем как минули прежде
кто мы
суесловье и дым

и нет даже капли надежды
что мы на земле устоим

Весь этот ветер

какое чудо
весь этот ветер
в лицо летящий
когда ты молод
когда ты Вертер
ты настоящий

ночная мякоть
сырого неба
тебя объёмлет
густая липа
и запах мёда
пчелиный лепет

как пахнет каждый
растущий в небе
в земле сидящий
лишь только ветер
тебе расскажет
вперёдсмотрящий

и ты глотаешь
густую книгу
земного ветра
и рёв вулканов
гул океанов
и километров

и задыхаясь
глядишь шалея
в окно ночное
на этот ветер
на эту нежность
в ночном прибое

Рождество в Топловском монастыре

Наташе Мирошниченко и Серёже Ковалю

в январских небесах
святой Екатерины
зелёная звезда
качается в груди
и снег вокруг горит
и светит свет старинный
в рождественских яслях
маячит впереди

мы маленькие мы
осколки синей глины
мычащие во сне
бредущие во тьму
нам время пятки жжёт
нам ветер дует в спину
нам хлещет в лица дождь
и радостно ему

не надо лишних слов
над этою купелью
умыться и уснуть
и видеть как во сне
из каждого куста
горящего капелью
зелёная звезда
рождается во мне

Враги попадают в рай

когда проходит земная блажь
 проходит земная блажь
ты жизнь за хлеб и любовь отдашь
 за хлеб и любовь отдашь
ты будешь верен своим богам
 верен своим богам
пока они отвечают нам
 они отвечают нам
и сколько жизней твоих пройдёт
 сколько жизней пройдёт
пока удача к тебе придёт
 удача тебя найдёт
тогда не бойся и не зевай
 не бойся и не зевай
пусть все друзья попадают в рай

 враги попадают в рай

Кода

1

Были мы крупнее пыли.
Ели, думали, любили.
По-английски говорили.
Кончился завод.

Мы лежим в земле отдельной.
И один лишь крест нательный
(оловянный, деревянный)
там, где сердце, —
жжёт.

2

как в жизни всё быстро кончается
пока на качелях качаешься
и музыку слышишь вдали
очнёшься
и кончится музыка
и ты уже больше не юзер к
а только песчинка в пыли

3

золотится вдали
нательный крестик
кладбищенской церкви

Содержание

Переизбыток любви

Рыбные места	5
Варенье из одуванчиков	6
Детство на Оке	7
Детские преступления	8
История жука	9
У бабушки	10
Дочери	12
Подорожные строки	13
Треугольная луна	14
На родине мира	15
Эскиз в метро	16
Омская зима	17
Песни этой зимы	18
Белый день	19
Начало дачного сезона	20
Остров поэтов	22
Охота на тайменя	23
Травелог	24
Наступление осени	
1. Овстуг	25
2. Вщиж	26
3. Лебединые песни	27

Жертвоприношение

Колыбельная считалочка	31
Май в Киеве	32
Рыбы Декарта	34
Гармонист	35
Жертвоприношение	36
Из кинохроники жизни	38
Слуцкий в Туле	39

Осень в Ясной	42
Снебапад	44
Жизнь с расширением гу	45
Дожить до лета	46
Чистые пруды	47
И после смерти	49
Символ веры	50
Предсказание	52
Весь этот ветер	53
Рождество в Топловском монастыре	55
Враги попадают в рай	56
Кода	57

Андрей Коровин. Детские преступления

редактор: А. Переверзин

художник: С. Труханов

корректор, технический редактор: О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.03.2015.
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 3,75
Тираж 500 экз.

Перефразируя Платона, в детстве и вода была жиже, и воздух гуще. И это действительно так. Андрею Коровину дана способность прикоснуться памятью к парадизу детства, воскресить в стихах то блаженное состояние, когда весь мир ощущается как «переизбыток любви».

Светлана Кекова

Лирика Андрея Коровина своеобразно совмещает в себе новейшую технику и мышление поэтической речи с традиционной для отечественной поэзии сердечностью и высоким человеческим смыслом. Редкое сочетание! На таких фигурах, как Андрей, держится культурная повседневность. Особо хочу отметить его деятельность, связанную с Волошинским фестивалем, Коктебелем и Крымом. Поэзия лечит исторические раны и утишает смятенный дух.

Юрий Кублановский